

Дореволюционная школа Урала

Рецензия на книгу: М. В. Егорова. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX — начале XX в. М.: Памятники исторической мысли, 2008.

А. И. Любжин

Любжин Алексей Игоревич

кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Адрес: Москва, 103073, ул. Моховая, д. 9. E-mail: vulture@mail.ru

Аннотация. Анализируя исследование, посвященное средним учебным заведениям Урала, автор высказывает, в частности, суждения о предпочтительной структуре исторических книг, предназначенных для массового читателя. В данной работе, по его мнению, собраны яркие свидетельства, характеризующие образовательный ценз и материальное положение учителей, их отношения с властями, деятельность учительских корпораций; бытовые условия, жизнь детей в школе и за ее стенами, быт служащих в школе взрослых и другие аспекты организации обучения в школах Урала столетие тому назад. Вывод, который следует из приведенных исторических свидетельств, вполне однозначен: нормой деятельности учительского сообщества в рассматриваемый период было внимание к индивидуальности и потребностям

учеников, забота об их физическом и нравственном здоровье, налет добродушия и патриархальности на всем гимназическом строе. Региональная специфика системы среднего образования Урала исследуется на основании суждений экспертов, так как исторических материалов на эту тему почти нет. В социальном отношении для Урала характерна большая однородность состава учеников, что вполне согласуется с общей исторической тенденцией: процесс демократизации средней школы шел достаточно быстро во второй половине XIX в. во всей империи. По мнению автора, картина, которую рисует данное исследование, непредвзята и соответствует действительности, она поможет читателю прикоснуться к жизни Российской империи, в представлениях о которой большинство руководствуется унаследованными от советской эпохи предрассудками, а не достоверными знаниями.

Ключевые слова: средние учебные заведения, материальное положение учителей, учительские корпорации, школьные здания, организация обучения, Российская империя.

Статья поступила в редакцию в октябре 2013 г.

Если спросить современного российского обывателя, что он знает о дореволюционной школе, то в большинстве случаев ответом будут смутные воспоминания об «указе о кухаркиных детях» (на самом деле это был циркуляр) и образы из произведений Чехова и Щедрина. Поэтому попытки представить публике старую русскую

школу в ее подлинном виде — а именно с такой попыткой мы имеем дело, причем, несмотря на некоторые недостатки, с удачной попыткой — нужно только приветствовать. Дореволюционная педагогика заслуживает того, чтобы ее изучали, опираясь на документы и свидетельства, а не на досужие писания юмористов.

Впрочем, и из юмористов можно порой извлечь некоторую пользу. Иногда текст говорит не то, что хотел сказать автор, а нечто если и не прямо противоположное, то во всяком случае мало согласующееся с первоначальными намерениями. Например, в сборнике фельетонов известного журналиста Власа Михайловича Дорошевича, чье отношение к императорской образовательной системе было — сформулируем мягко — далеко от восторженного, есть очерк «Учитель». Намерение заключалось в том, чтобы разоблачить скупость правительства, которое обрекает педагога на нищету; однако современный читатель узнает из очерка, что у «нищего» преподавателя была неработающая жена и прислуга; поневоле приходится сделать вывод, что точка отсчета для «бедности» и «нищеты» у Дорошевича отличается от привычной для нас, и соответствующим образом скорректировать описываемую картину.

Равным образом, когда мы сталкиваемся с описанием гимназической и студенческой бедности, не будем торопиться с выводами о низком уровне жизни в Российской империи, приглядимся повнимательнее: а может быть, это обратная сторона эффективно работающего социального лифта, который черпает «человеческий материал» из самых необеспеченных слоев, чтобы через элитное среднее и высшее образование дать их талантливым представителям путевку наверх? Сразу оговоримся, что именно в этой области — при анализе материального положения педагогического корпуса империи — автор рецензируемой работы делает правильные заключения и характеризует его как достаточно высокий (как и образовательный ценз тогдашних русских педагогов). Но вообще в ходе дальнейшего рассмотрения нас будет в первую очередь интересовать картина, которая складывается из документов и свидетельств, а не выводы, которые делает автор. Если глава о педагогическом корпусе резюмируется словами: «В уральских средних учебных заведениях преподавало немало интересных, знающих свое дело педагогов, благодарная память о которых сохранилась в сердцах многих учащихся средних школ. Однако были и такие, которые относились к своей работе довольно формально, являясь <...> чиновниками, живущими от зарплаты до зарплаты. Высокая роль учителя, воспитателя молодого поколения, строителя человеческих душ таким была чужда» [С. 148], то для нас здесь со всей очевидностью не содержится никакой полезной информации: педагог — профессия массовая, а следовательно, подчиняется всем закономерностям статистических распределений. Однако этот факт еще не значит,

что специфики времени не существует: от внешнего воздействия зависит много, и если есть эпохи, когда не написать донос на коллегу уже есть акт высокого мужества, то есть и такие, когда нужно сильно подумать, прежде чем решиться хотя бы и на справедливый донос. Для исследования был бы интересен как раз этот вектор: что поощрялось, а что считалось неприемлемым, в каком направлении должен был работать над собой и своей деятельностью «середняк», чтобы соответствовать ожиданиям и надеждам окружающих — властей, общества, учеников. На вопрос, сформулированный так, работа дает ответ — но только на уровне картины, о которой мы говорили выше и которая должна сложиться у читателя по прочтении книги. Иногда одно и то же явление интерпретируется двумя разными способами: так, на с. 95 устройство культурно-развлекательных мероприятий для учеников объясняется желанием администрации контролировать их свободное время, а на с. 98 — стремлением помочь их эстетическому, умственному и нравственному развитию.

Несколько слов о композиции. Введение посвящено историографическому и источниковедческому обзору. Это общая особенность книг по истории, представляющих собой непереработанные или недостаточно переработанные диссертации. Сообщить читателю — не члену диссертационного совета всю полезную информацию по данному вопросу можно в нескольких строчках примечаний, когда цитируется тот или иной труд. Мы рекомендовали бы отказаться в книгах, предназначенных для публики, от таких обзоров: если неискушенный читатель не пропустит его, содержательная и стилистическая скука способна отвратить его от чтения книги вообще. Но композиция труда и вообще неудачна: начиная с такой сухой материи, как школьные здания (и с таким же «содержательным» выводом: были хорошие, были плохие)¹, М. В. Егорова затем пишет главы одну интереснее другой — чтобы дать в конце замечательные и по стилю, и по глубине характеристики представителей уральского педагогического персонала и весьма трезво и справедливо оценить уровень его образованности и благосостояния. Учитывая, что именно вызывало в школьных зданиях наибольшие нарекания, она в самом буквальном смысле слова вводит читателя в проблематику своего труда не через парадную дверь, а через ретирадное место.

Книга не вполне соответствует своему заглавию. Безусловно, аспекты повседневности отражены полностью или практически

¹ Что касается «картины», то здесь очерк дополняется весьма представительной подборкой современных фотографий. Было бы интересно иметь общую сводку по зданиям — как они используются сегодня. Полагаем, доля тех, которые ныне заняты высшими учебными заведениями, дала бы любопытный материал для сравнения «века нынешнего» (и минувшего недавно) и «века минувшего».

полностью. (Нам были бы любопытны сведения об участии уральских педагогов в программах Комиссии по организации образовательных экскурсий при учебном отделе Общества распространения технических знаний², однако вообще тема образовательных экскурсий и даже самостоятельных путешествий представлена.) Но нужно бы сделать оговорку: и кадетские корпуса, и духовные училища также представляют собой «средний» тип; поэтому непонятно, на каком основании о сельскохозяйственных и коммерческих школах (не подведомственных Министерству народного просвещения) автор пишет, а другие, более мощные типы обходит молчанием. Мы считаем выбор предмета исключительно авторской прерогативой; нужно было дать лишь его более точную описательную формулировку (поскольку единого признака, который объединял бы все рассмотренные школы, но не включал бы никаких других, нет). Четыре главы исследования рассматривают бытовые условия, жизнь детей в школе и за ее стенами и жизнь служащих в школе взрослых; книга снабжена несколькими полезными приложениями и иллюстрациями; многие фотографии сделаны самим автором.

Нам при чтении постоянно не хватало общего контекста (полагаем, что обычному читателю будет его не хватать еще больше). Например, при рассуждении о библиотеках нужно было просмотреть нормативные документы³, каталоги ученических книгохранилищ, понять, из чего должна была состоять такая библиотека в принципе, — и на этом фоне уже рассматривать состав конкретного собрания. Но скажем заранее, что нам встретился только один сюжет, да и то не первостепенной важности, где отсутствие контекста могло привести к ошибочному суждению⁴.

Теперь обратимся к картине, которую рисуют собранные М. В. Егоровой материалы. Сначала о высшей власти. За что педагог мог удостоиться Высочайшей награды? Вот что пишет автор по этому поводу: «Авторитет и уважение среди местного общества у И. Ф. Грацинского были действительно огромны, всем

² Их отчеты «Русские учителя за границей» (М., 1910–1915) не содержат детальных сведений о месте жительства экскурсантов, однако подчеркивается, что среди них были представители всех регионов страны.

³ Например, «Опыт каталога ученических библиотек средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения». СПб., 1889; 1896; «Первое дополнение к Опыт каталога ученических библиотек средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения». СПб., 1897.

⁴ Вопрос о завтраках: «Причина, по которой было решено вводить завтраки в учебных заведениях, заключалась в том, что многие учащиеся употребляли на завтрак только хлеб. Чтобы избежать вредных последствий такого питания, предоставлялись горячие завтраки, состоявшие из молока, хлеба, мяса, котлет, пирожков, чая» [С. 88]. Нужно сказать, что в XVIII в. и в первой половине XIX в. хлеб (калач) с чаем был обычным завтраком даже и в самых привилегированных училищах.

было известно, сколько душевных сил, энергии тратил этот человек на благо общего дела <...> Правительство многократно жаловало его денежными наградами, а также награждало орденами до Владимира 2-й степени. В 1880 г. Александр II за долголетний и ревностный труд произвел его вне правил, за отличие, в тайные советники» [С. 131]. Тайный советник — это уровень попечителя округа и губернатора, с этим чином можно было занимать министерский пост. «Деятельность Е. Н. Сычуговой (начальница Вятской женской гимназии с 1860 по 1873 г., как видно из характеристики, исключительно одаренный педагог с большим тактом и авторитетом. — А.Л.) была оценена по достоинству, и она получила Высочайший подарок — брошь с драгоценными камнями, которую, правда, из-за своей скромности никогда не носила» [С. 136]. Итак, хотя награды с высоты престола — большая редкость, мы видим, что удостоены их были действительно лучшие и являлись они подтверждением авторитета, завоеванного школьными администраторами в обществе.

А как ведет себя педагогическая корпорация? На этот вопрос мы получаем тоже вполне однозначные ответы. «Обсуждая поведение этого ученика на педагогическом совете, учителя давали ему весьма нелестную характеристику. <...> Часть коллектива придерживалась мнения, что исправить этого ученика не удастся, а потому необходимо его отчислить. <...> Однако с этим мнением не согласился классный наставник. Он отмечал, что этот ученик действительно обратил на себя внимание живостью своего характера и какой-то особой распушенностью. С самого детства, как видно, он был предоставлен самому себе и не получил должного воспитания. Мать его была в остроге, а отец содержал кабак. <...> Но в последнее время *** все же стал привыкать к учебному заведению и к правилам школьной жизни. Классный наставник просил оставить этого ученика в школе, объявив ему только выговор за проступок. Решение этого спорного вопроса было отдано на усмотрение попечителя Оренбургского учебного округа. Последний предложил педагогическому совету дозволить *** продолжать обучение в прогимназии» [С. 53]. «Педагогический совет, принимая во внимание серьезные проблемы со здоровьем у этих учеников, принял решение ходатайствовать перед попечителем <...> о переводе их в следующий класс без экзаменов, на основании годовых отметок» [С. 91]. Отдельный случай — с инородцами; перед нами решение педсовета Троицкой гимназии: «1) учителям рекомендовано стараться всеми мерами приобрести доверие и дружбу учеников-инородцев; 2) стараться, чтобы ученики-инородцы оканчивали полный курс гимназии, а не 2–3 года; <...> 5) так как успешной учебе этих воспитанников мешала их крайняя бедность, то оказывать им материальную помощь, приняв двух киргиз в число стипендиатов от гимназии, уплачивая ежегодно за каждого по 144 рубля из специальных средств» (пропущенные 3-й и 4-й пункты — об изучении русского языка).

Мы привели, разумеется, только самые яркие примеры. Но картина, которая складывается из этих и других свидетельств, вполне однозначна: нормой является внимание к индивидуальности и потребностям учеников, забота об их физическом и нравственном здоровье, налет добродушия и патриархальности на всем гимназическом строе; в последнем случае можно усмотреть при желании русификаторские тенденции, однако одновременно с этим становится понятно: вряд ли что-то меньше увлекало педагогическую корпорацию, нежели желание создать «тюрьму народов».

А как насчет Беликова и мертвенных древних языков? Признаемся, эта сторона возбуждала наше особое любопытство. И оно было вознаграждено характеристикой латиниста Вятской гимназии: «По воспоминаниям учеников, это была личность замечательная и оригинальная. Отличался он неряшливостью в одежде. <...> Ходил всегда в одном и том же старомодном костюме, дома меняя его на поношенный халат и туфли. <...> Он был человеком весьма общительным: веселый рассказчик, анекдотист и остроумный балагур, потому в компаниях всегда был желанным гостем. Свой предмет знал в совершенстве, свободно говорил и писал по-латински. Оригинальной была методика преподавания у этого педагога. Иной раз неделями могли бездельничать ученики на его занятиях, но стоило найти на „Алеху-латиниста“, как называли его учащиеся, вдохновению, как начиналась зубрежка, сплошные переводы, заучивание и цитирование стихов. За какую-то неделю успевали переделать то, что намечалось на месяц <...> к концу учения <...> учащиеся знали [предмет] весьма прилично, смело переводили любого классика, не боялись никаких переводов с русского, понимали, любили и помнили язык» [С. 144–145]. Как видим, если формировать представление о дореволюционной русской школе по А. П. Чехову, оно непременно вступит в конфликт с фактами. Физик П. И. Свешников из Троицкой гимназии «результаты своих изысканий большей частью печатал во французских математических журналах» [С. 154, со ссылкой на воспоминания ученика — Д. И. Татарина]. Признаемся, именно в этом случае нам очень хотелось бы иметь библиографическое исследование: понятно, что составить список соответствующих французских журналов рассматриваемой эпохи, просмотреть их и найти (или не найти) эти статьи — задача весьма непростая, однако в данном случае результат стоил бы затраченных усилий.

А как отражается на среднем образовании специфика Урала? На этот счет материалов почти нет, но специалисты размышляли и над таким вопросом, и автор дает нам возможность ознакомиться с их выводами. Из отчета директора Вятского коммерческого училища мы узнаем: в школе учатся дети «по преимуществу мещанских и крестьянских семей среднего и даже ниже среднего материального достатка. Вся эта юная группа имела свою доволь-

но ярко выраженную физиономию. <...> Она имела некоторые общие черты, сильно отличающие ее от аналогичных групп центров России и других, более южных ее частей; несколько иной уклад здешней жизни, большая ее простота и спокойствие положили свой отпечаток на молодом поколении, меньшая сложность жизни, — не нервировали их детство, делало (sic!) их более спокойными, но зато отчасти и менее находчивы, предприимчивы, вообще менее интеллигентны, чем дети наших крупных центров, они менее подвижны, активны и впечатлительны, чем их более южные сверстники; они спокойнее, практичнее и вообще в умственном отношении это дети среднего здоровья, но культурный уровень их в среднем невысок, что и чувствовалось часто при работе с ними, к которой они, нужно признать, проявляли много интереса и потому довольно успешно справлялись с нею» [С. 47–48]. В социальном отношении для Урала характерна большая однородность состава учеников [С. 58]. Отметим, что процесс демократизации средней школы шел достаточно быстро во второй половине XIX в. во всей империи: представителей элитных слоев могло быть меньшинство или совсем немного.

Начали мы наше рассуждение с доносов. Разумеется, без них обойтись невозможно, и на страницах рецензируемого труда мы с одним сталкиваемся. «Милостивый государь г. Попечитель! <...> Считаю долгом довести до Вашего сведения об учительнице здешней прогимназии ***, что она ведет себя очень непристойно. Два года тому назад путалась с клоуном ***, в прошлом году с скотским врачом ***. <...> Все это надо бы описать было инспектору, но он все пьян и целые дни в карты играет. <...> Я бы и подписался, да у меня семья. Служу на должности. Пожалуй, откажут» [С. 167]. Разумеется, попечитель инициировал проверку; уездный инспектор доложил ему, что *** «всегда отличалась прекрасным поведением и высокими нравственными качествами», а ее долголетняя служба протекала без нареканий, что нельзя придавать вид любовных интриг знакомству с наиболее выдающимися представителями местного интеллигентного общества, представляющему собой дружбу семьями и не содержащему ничего предосудительного.

Здесь нам нужно еще подчеркнуть один важный момент. Если мы высказали выше упрек в поверхностности и очевидности части выводов, то другого, значительно более важного упрека — в их тенденциозности или тем более в тенденциозности подбора материала — труду М. В. Егоровой предъявить нельзя; ее работа — в высшей степени добросовестная и заслуживает в этом отношении самой теплой оценки. Картина, которую рисуют собранные ей свидетельства, непредвзята и соответствует действительности; она поможет читателю прикоснуться к жизни затонувшей Атлантиды — Российской империи, в представлениях о которой большинство руководствуется унаследованными от советской эпохи предрассудками, а не достоверными знаниями.

Pre-Revolutionary School in the Urals

A review of the book: Yegorova M. (2008) Povsednevnyaya zhizn' uchashchikhsya i uchiteley Urala v XIX – nachale XX v. [Everyday Life of Students and Teachers in the Urals in the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Author **Aleksey Lyubzhin**

Researcher, The Rare Book and Manuscript Division of Moscow State University Library. Address: 9, Mokhovaya str., Moscow, 103073, Russian Federation. E-mail: vulture@mail.ru

Abstract By analyzing the research devoted to secondary educational institutions in the Urals, the author speculates on the preferred structure of historical books intended for mass consumption. He believes that this oeuvre provides clear examples of literacy tests for teachers, their financial situation, their relationship with the government, as well as activities of teachers' corporations, children's living conditions, their life in and out of school, life of school employees, and other aspects of school education in the Urals a century ago. The conclusion that comes from the historical evidence provided is quite unambiguous: teaching activities of the time were characterized by attention towards students' individual needs and qualities, by care about their physical and emotional health, and by a savor of good nature and patriarchal cordiality engrained in the whole gymnasium system. Regional specifics of Ural secondary educational system is studied through experts' evaluations, as there are almost no relevant historical materials left. In terms of social differentiation, the student body in the Urals was largely homogeneous, which was quite in line with the overall historical trend of speedy secondary school democratization across the Russian Empire in the second half of the 19th century. The author argues that the picture revealed by this study is unbiased and in accord with the real state of things, and that it will help the reader learn more about life in the Russian Empire viewed by most people through Soviet-inherited prejudice instead of direct knowledge.

Key words secondary educational institutions, teachers' financial situation, teachers' corporations, school buildings, organization of teaching process, the Russian Empire.